

БЕСТСЕЛЛЕР THE NEW YORK TIMES

РАЗГОВОР С НЕЗНАКОМЦЕМ

ПОЧЕМУ
МЫ ОШИБАЕМСЯ
В ЛЮДЯХ
И ДОВЕРЯЕМ
ЛЖЕЦАМ

Малкольм
Гладуэлл

Малкольм Гладуэлл

Разговор с незнакомцем

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54226029

*Разговор с незнакомцем: Почему мы ошибаемся в людях и
доверяем лжецам: Альпина Паблишер; Москва; 2020
ISBN 978-5-9614-3630-3*

Аннотация

Представьте себя на месте судьи, которому нужно решить, отпустить ли подозреваемого под залог. Вам предлагают либо просто ознакомиться с сухими фактами биографии подозреваемого, либо встретиться и поговорить с ним лично, посмотреть в глаза и увидеть реакцию. Многие из нас выберут второй вариант – ведь зачастую мы считаем информацию, полученную при личном контакте, необыкновенно ценной. Но именно в этом, по мнению Малкольма Гладуэлла, и кроется причина роковых ошибок, личных трагедий, неверных судебных решений и даже катастроф мирового масштаба.

Шпионка, которая долгие годы работала в управлении Пентагона, передавая данные кубинской разведке. Политики, не сумевшие распознать двойную игру Гитлера, что привело мир к катастрофе. Полицейские, стреляющие в невинных людей, просто потому что их реакции кажутся подозрительными. Родители,

которые не могут распознать в спортивном докторе насильника, растлевающего их детей.

Автор анализирует все эти истории и приходит к шокирующим выводам. Оказывается, мы не в состоянии распознать лжеца, даже когда общаемся с ним на протяжении долгого времени. И все наши привычные представления о подозрительном поведении людей, их мимике, жестах, интонациях оказываются в корне неверными.

Малкольм Гладуэлл предлагает нам отправиться в интеллектуальное приключение по темной стороне человеческой природы. Вы убедитесь, что наши представления о незнакомцах почти всегда не совпадают с реальностью, а неправильное восприятие их поведения может иметь катастрофические последствия.

Содержание

От автора	7
Введение	9
Часть первая	24
Глава 1	24
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Малкольм Гладуэлл

Разговор с незнакомцем: Почему мы ошибаемся в людях и доверяем лжецам

Переводчик *Н. Мезин*

Редактор *И. Беличева*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *А. Деркач*

Корректоры *А. Кондратова, Т. Редькина*

Компьютерная вёрстка *М. Поташкин*

Арт-директор *Ю. Буга*

Иллюстрация на обложке взята из www.shutterstock.com.

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут до-

ступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© 2019 by Malcolm Gladwell

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблицер», 2020

* * *

Посвящается Грэхему Гладуэллу (1934–2017)

От автора

Как-то раз, много лет тому назад, родители навещали меня в Нью-Йорке, и мне захотелось немного пошалить: я поселил их в гостинице Mercer. Это роскошный отель для избранных, где останавливаются знаменитости и звезды. Мои папа с мамой – особенно папа – в таких вещах не разбираются. Отец не смотрит телевизор, не ходит в кино, не слушает поп-музыку. Спроси его про журнал *People*, так он, пожалуй, скажет, что это антропологический вестник. В круг его интересов входят не самые модные вещи: математика, садоводство, Библия.

Я пригласил родителей поужинать и, заехав за ними в Mercer, спросил отца, как прошел день.

– Чудесно! – ответил папа.

Оказалось, что вечер он провел в лобби за беседой с каким-то господином. Это было вполне типично для моего отца. Он любил общаться с незнакомцами.

– И о чем вы говорили? – уточнил я.

– О садоводстве, – пояснил папа.

– А как его звали?

– Ой, понятия не имею! Но к нему все время подходили люди, фотографировались и давали подписать какие-то карточки.

Если вдруг какой-нибудь легендарный голливудский ак-

тер, читая это, вспомнит, как много лет назад он болтал с бородатым англичанином в лобби отеля Mercedes, очень прошу его связаться со мной.

А все остальные, учтите следующее: иногда лучший разговор между незнакомцами – тот, который и позволяет им таковыми оставаться.

Введение

«Вон из машины!»

1

В июле 2015 г. молодая чернокожая американка по имени Сандра Блэнд отправилась из Чикаго, где она жила, в небольшой городок Прейри-Вью в часе езды на запад от Хьюстона, штат Техас. Сандре предстояло пройти собеседование, поскольку она хотела устроиться на работу в местный университет, который сама окончила несколько лет назад. Сандра была рослой и эффектной девушкой, с характером под стать внешности. В колледже она состояла в женском сообществе Sigma Gamma Rho, играла в духовом оркестре и работала волонтером в доме престарелых. Сандра публиковала на YouTube короткие мотивационные видео под тэгом «Говорит Сэнди», которые часто начинались словами «Доброе утро, мои дивные короли и королевы».

«Сегодня я проснулась с благодарностью Творцу, прославляя Его имя. Я, конечно, благодарю Его не за то, что сегодня мой день рождения, а за то, что я расту, за все, что Господь посылает мне. И, просто оглядываясь на этот последний год и на все те двадцать семь лет, что

живу на Земле, я говорю Ему спасибо за все, что Он мне показал. И пусть даже я не раз ошибалась и, конечно же, немало напортачила – Он все равно меня любит. И я хочу, чтобы вы, мои короли и королевы, где бы вы ни были, знали, что Он любит и вас тоже».

Собеседование Сандра прошла успешно, и это ее окрылило. Она задумывала параллельно защитить магистерскую работу по политологии. 10 июля под вечер Сандра отправилась за продуктами, и при выезде на шоссе, опоясывающее университетский кампус, ее остановил полицейский. Его звали Брайан Энсинья: белый, темноволосый, коротко стриженный, тридцати лет от роду. Он вел себя вежливо – по крайней мере, поначалу. Энсинья сообщил Сандре, что она при перестроении не включила сигнал поворота. Страж порядка задавал вопросы, а девушка отвечала. В какой-то момент Сандра закурила, и Энсинья попросил ее потушить сигарету.

Их дальнейший разговор, записанный видеорегистратором полицейской машины, набрал на YouTube несколько миллионов просмотров.

Блэнд: Я в своей машине, чего ради мне тушить сигарету?

Энсинья: Ну, можете выйти.

Блэнд: Я не обязана этого делать.

Энсинья: Выйдите из машины.

Блэнд: Да с какой стати?

Энсинья: Выходите!

Блэнд: Эй, вы не имеете полномочий меня

выгонять! Это против правил.

Энсинья: Выходите.

Блэнд: Но это незаконно. Вы не имеете права заставлять меня.

Энсинья: Я имею право и, если не выйдете сами, вытащу вас силой.

Блэнд: Я отказываюсь с вами говорить, не желаю сообщать ничего, кроме своего имени... (*неразборчиво*). Вы хотите вытащить меня из машины за то, что я не включила поворотник?

Энсинья: Выходите, или я вас вытащу. Именем закона. Если не подчинитесь, то я применю силу.

Блэнд: Я звоню своему адвокату.

(Так Блэнд и Энсинья препираются нестерпимо долго. Эмоции накаляются.)

Энсинья: Я тебя выволоку. (*Сует руку в окно.*)

Блэнд: Ага, собираетесь вытащить меня из моего же автомобиля? Что ж, ладно.

Энсинья (*вызывает подмогу*): 2547.

Блэнд: Ну, давайте.

Энсинья: И выволоку. (*Хватает Сандру.*)

Блэнд: Не трогайте меня!

Энсинья: А ну выходи!

Блэнд: Не прикасайтесь ко мне. Не прикасайтесь! Вы что, задерживаете меня?

Энсинья: Вы арестованы!

Блэнд: Арестована?! Но за что? За что? За что?

Энсинья (*в рацию*): 2547. Дорога ФМ-1098... (*неразборчиво*). Пришлите наряд. (*Сандре*) Выходите из

машины! Немедленно!

Блэнд: Да за что вы меня задерживаете? Вы же просто хотели меня оштрафовать за...

Энсинья: Я сказал, вон из машины!

Блэнд: За что меня задерживают? Вы открыли мою...

Энсинья: Я требую именем закона. Я вас вытащу оттуда.

Блэнд: Так вы мне угрожаете?

Энсинья: Выходи, кому говорят!

Блэнд: А потом вы меня (*помехи*) хотите?

Энсинья: Я тебя подпалю! А ну выходи! Сейчас же!
(*Вынимает электрошокер и наводит его на Сандру.*)

Блэнд: Ого! (*Выходит из автомобиля.*)

Энсинья: Вон из машины! Ну, живее!

Блэнд: И это из-за невключенного поворотника? Вы все это устроили из-за такой ерунды?

В конце концов девушку арестовали и отвезли в тюрьму. Через три дня она покончила с собой в камере.

2

Трагедия с Сандрой Блэнд прихлась на самую середину довольно странного периода в общественной жизни США. Все началось в августе 2014 г., когда в городе Фергюсон, штат Миссури, патрульный застрелил Майкла Брауна, 18-летнего афроамериканца, который, предположительно,

но, украл в магазине коробку сигар. Последующие несколько лет ознаменовались рядом скандальных случаев полицейского насилия над афроамериканцами. Это вызвало в обществе резонанс, по стране прокатилась волна протестов. Возникло гражданское движение Black Lives Matter («Черные жизни имеют значение»). Об этих инцидентах говорила вся Америка. Возможно, из тогдашних выпусков новостей вы помните фамилии афроамериканцев, ставших жертвами произвола. Фредди Грей, юноша из Балтимора, впал в кому в полицейском микроавтобусе, после того как его задержали за ношение складного ножа. На окраине Миннеаполиса патрульный остановил молодого водителя по имени Филандо Кастиль, потребовал предъявить страховку и внезапно всадил в него семь пуль. В Нью-Йорке копы задушили во время задержания Эрика Гарнера, которого подозревали в нелегальной торговле сигаретами. В Норт-Чарлстоне, штат Южная Каролина, полицейский велел остановиться Уолтеру Скотту, поскольку тот ехал, не включив габаритные огни, приказал выйти из машины и застрелил его выстрелом в спину. Об этом последнем убийстве, которое случилось 4 апреля 2015 г., Сандра как раз говорила в своем очередном видео.

«Доброе утро, мои дивные короли и королевы... Я не расистка. Я выросла в Вилла-Парке, штат Иллинойс. Я была единственной черной девчонкой в команде чирлидеров... Чернокожие, поймите, в этом мире вам

не светит удобная жизнь, если вы не научитесь ладить с белыми. Я хочу, чтобы белые люди, где бы они ни были, сознавали, что мы, черные, стараемся как можем... но нельзя не прийти в отчаяние, сталкиваясь с такими ситуациями, когда жизнь афроамериканца ни в грош не ставят. Некоторые из вас спрашивают: а зачем он побежал? Черт побери, да посмотрите последние новости: можно стоять с поднятыми руками, однако копы все равно тебя прикончат».

Через три месяца погибла и сама Сандра.

Моя книга – это попытка разобраться, что же на самом деле произошло в тот день на обочине шоссе в тexasской глубинке.

Надо ли писать об этом целую книгу? Да, надо, потому что вспыхнувшая в обществе дискуссия, вызванная той чередой трагедий, оказалась абсолютно бесполезной. Одна сторона вела речь о расизме – глядя на произошедшее с высоты в десять тысяч футов, а другая рассматривала в лупу мельчайшие детали каждого случая: каким человеком был полицейский, что он делал, в точности? Эти за деревьями не видели леса, а первые не видели в лесу самих деревьев.

Обе стороны были правы, каждая по-своему. Общественные настроения в США в значительной мере объясняются предубеждением и невежеством. Но что можно сделать с каждой из этих проблем, кроме как от всего сердца поклясться в следующий раз проявить большую гражданскую активность? Да, бывают копы-негодяи. Встречаются поли-

цейские, которые судят предвзято. Консерваторы предпочитают первую интерпретацию, а либералы – вторую. В результате две позиции взаимно обесценивают друг друга. Полиция в этой стране по-прежнему убивает граждан, но подобные вопиющие случаи больше не освещаются в новостях. Я подозреваю, что вам сейчас пришлось даже на секунду задуматься, чтобы вспомнить, кто такая Сандра Блэнд. Выждав приличное время, мы отстраняемся от этих споров и возвращаемся к своим делам.

А я не хочу возвращаться к своим делам.

3

В XVI столетии произошло добрых семь десятков войн с участием различных европейских народов и государств. Датчане сражались со шведами, а Тевтонский орден – против Польши; Ливонская война, Турецко-венецианские, Война за португальское наследство – и так далее, и тому подобное. Если у этого бесконечного конфликта была какая-то схема, она состояла в том, что все раздоры вспыхивали преимущественно между соседями. Либо сходились народы, издавна жившие по разные стороны одного рубежа, либо кровопролитие начиналось внутри страны: так, гражданскую войну в Османской империи развязали в 1509 г. два родных брата. В любую историческую эпоху контакты – враждебные или мирные – редко осуществляются между чужаками. Обычно

противники, поднявшие друг на друга оружие, верят в одного бога, на один манер строят дома и города, придерживаются сходных тактик и правил войны.

Но самый опустошительный конфликт XVI века никак не вписывается в эту схему. Испанский дворянин Эрнан Кортес и император ацтеков Монтесума II на момент встречи не знали друг о друге ровным счетом ничего.

В феврале 1519 г. Кортес высадился на побережье Мексики и медленно двинулся к Теночтитлану – столице государства ацтеков. Добравшись до нее, испанцы прониклись изумлением, ибо не могли вообразить себе ничего подобного. Город оказался значительно больше и величественнее любого из тех, какие Кортес и его соратники могли видеть у себя на родине. Теночтитлан располагался на острове, перерезанном каналами и связанном с берегом мостами. Широкие бульвары, хитроумные акведуки, шумные рынки, храмы из ослепительно белого камня, общественные сады, даже зверинец. А уж царившая повсюду безупречная чистота, должно быть, казалась людям, выросшим в грязи средневекового европейского полиса, каким-то чудом.

«И, видя многолюдные города и крупные поселения, одни – на воде, другие – на суше, и эту ровную мощеную дорогу, что дальше вела к Мешико [Теночтитлану], мы испытывали все возрастающее удивление и говорили, что все это похоже на волшебные рассказы... большие башни, пирамиды храмов, строения, стоящие прямо в воде, и все каменной

кладки; и некоторые из наших солдат говорили, что если все то, что они видят, не сон и не чудо, то я должен описать это, так как все это надо как следует осмыслить; не знаю, как и рассказать о доселе невиданных и неслыханных вещах, которые даже во сне не могут привидеться»¹, – вспоминал впоследствии Берналь Диас дель Кастильо, один из офицеров Кортеса.

У ворот Теночтитлана испанцев приветствовали вельможи, которые проводили пришельцев к Монтесуме. Правитель был невысказанно величественной фигурой; его несли в паланкине, отделанном золотом и серебром, украшенном цветами и драгоценными камнями. Впереди процессии шагал придворный, подметавший перед монархом дорогу. Кортес сошел с седла. Император выглянул из паланкина. Кортес потянулся было – по испанскому обычаю – обнять Монтесуму, но его отстранили люди из свиты. Никто не смеет обнимать императора. Вместо этого двое мужчин поклонились друг другу.

– Не с Монтесумой ли я имею честь беседовать? – спросил Кортес.

И Монтесума ответил:

– Да, я и есть он.

Дотоле ни один европеец еще не ступал на землю Мексики. Ни один ацтек не встречался с европейцами. Кортесу

---

¹ Цит. по: Берналь Диас дель Кастильо. Правдивая история завоевания Новой Испании. – М.: Форум, 2000. (Пер. Д. Н. Егорова и А. Р. Захарьяна.)

было известно о местных жителях только то, что они баснословно богаты и выстроили этот удивительный город. Монтесума знал о Кортесе лишь то, что он дерзко вторгся в империю ацтеков, а у его людей есть странное оружие и удивительные крупные животные – лошади, прежде невиданные в этих краях.

Удивительно ли, что встреча Монтесумы и Кортеса столетие за столетием интригует историков? В те времена – пять веков назад, – когда первопроходцы переплывали океаны и отважно пускались в путешествия по неведомым землям, возник совершенно новый тип взаимодействия людей. Разумеется, Кортес и Монтесума хотели поговорить, пусть даже они ничего и не знали друг о друге. Однако свой вопрос – «Не с Монтесумой ли я имею честь беседовать?» – Кортес не мог задать напрямую по-испански. Поэтому пришлось взять с собой двух переводчиков. Первой была местная женщина по имени Малинче, захваченная несколькими месяцами раньше. Она знала науатль (язык ацтеков) и чонтальский, на котором говорили индейцы Мексики в тех местах, откуда Кортес начал свой поход вглубь материка. Вторым толмачом был испанский священник Херонимо де Агилар, оказавшийся после кораблекрушения на Юкатане и выучивший чонтальский язык во время своих странствий. Так что Кортес говорил по-испански, Агилар переводил его слова на чонтальский для Малинче, а та уже – для Монтесумы на науатль. И ответ императора, соответственно, двигался по

той же цепочке, но в обратном направлении. Внезапно привычный обоим собеседникам по опыту всей жизни простой разговор один на один оказался катастрофически невозможен².

Кортеса пригласили в один из дворцов императора – согласно описанию Агилара, там было «без счета комнат, переходов, великолепных залов, перин с широкими покрывалами, кожаных подушек с древесным волокном, теплых стеганых одеял и прекрасных балахонов из белого меха». После обеда Монтесума вновь явился людям Кортеса и произнес речь. И тут же возникло недоразумение. Слова Монтесумы испанцам перевели так, будто ацтекский монарх делает им невероятное признание: он считает Кортеса богом, полагая, что исполнилось древнее пророчество об изгнанном божестве, которое однажды вернется с Востока. И потому он, Монтесума, передает себя в руки Кортеса. Можете представить реакцию конкистадора: в сущности, этот великий город

---

² Гипотезу о том, что Монтесума признал Кортеса богом, убедительно развенчивает в числе прочих авторов историк Камилла Таунсенд. Она пишет, что, вероятно, это было обычное недоразумение, возникшее из-за того, что ацтеки называли Кортеса и его людей словом «теотль», которое испанцы перевели как «бог». Однако индейцы, как доказывает Таунсенд, использовали такое именование лишь потому, что «испанцев нужно было как-то называть, а как, никто не понимал. В картине мира ацтеков, какой она была на тот момент, человек получал прозвище по деревне или полису, откуда он происходил, или же, для более точного указания, по социальной функции, которую исполнял: сборщик налогов, принц, слуга и проч. А ничего подобного про этих пришельцев им попросту не было известно». – *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. авт.*

отныне принадлежал ему.

Но это ли имел в виду Монтесума на самом деле? В науатле, языке ацтеков, существует особый вежливый стиль речи. Царственной персоне масштаба Монтесумы культурная традиция предписывала использовать своего рода код, при помощи которого могущественные фигуры подчеркивали свой статус путем притворного самоуничижения.

В науатле слово «благородный», объясняет историк Мэттью Ресталл, почти неотличимо от слова «ребенок». Правитель вроде Монтесумы, описывая себя как маленького и слабого, на самом деле обвиняком подчеркивал свои влияние и авторитет.

«Невозможность адекватного перевода с такого языка очевидна, – пишет Ресталл. – Во многих ситуациях нужно было говорить противоположное тому, что имеется в виду. Настоящий смысл кодировался самим употреблением форм вежливости. Перевод без учета этих обстоятельств, да еще искаженный несколькими толмачами, должен был получиться не просто неточным – он с высокой степенью вероятности изменил бы смысл на прямо противоположный. И в этом случае слова Монтесумы вовсе не означали его покорности – они означали, что он принимает покорность испанцев».

Из курса истории вы, наверное, помните, чем закончилась встреча Монтесумы и Кортеса. Испанцы захватили императора ацтеков в заложники, а затем убили. Между двумя ци-

визациями вспыхнула кровопролитная война. Она унесла жизни 12 миллионов индейцев, погибших либо от рук испанских завоевателей, либо от болезней, принесенных теми в Америку. Теночтитлан разрушили. Мексиканский поход Кортеса положил начало трагической эпохе колониальной экспансии. Он же познакомил человечество с принципиально новым (и поныне актуальным) способом социального взаимодействия. Сегодня мы постоянно вступаем в контакт с людьми, чьи представления, взгляды и воспитание отличаются от наших собственных. Нынешний мир – это не два брата, сражающиеся за султанский престол в Османской империи. Это Кортес и Монтесума, пытающиеся понять друг друга сквозь многослойный перевод. «Разговор с незнакомцем» – книга о том, почему мы так плохо справляемся с подобного рода переводом.

Каждая из последующих глав посвящена одному из аспектов проблемы. Я разбираю в качестве примеров реальные случаи, о многих из которых вы наверняка слышали, поскольку они широко обсуждались в СМИ. В Калифорнии студент Стэнфордского университета Брок Тёрнер знакомится на вечеринке с девушкой и к утру оказывается за решеткой. В Университете штата Пенсильвания Джерри Сандаски, бывшего помощника тренера из факультетской футбольной команды, признают виновным в растлении малолетних, причем сообщниками оказываются ректор учебного заведения и два его ближайших помощника. Вы прочте-

те о шпионе, который много лет работал, не вызывая подозрений, на самом высоком уровне в Пентагоне, и о человеке, низвергшем управляющего хедж-фондом Бернарда Мейдоффа, о ложном обвинении американки Аманды Нокс, не в добрый час приехавшей по программе студенческого обмена в Италию, и о самоубийстве поэтессы Сильвии Плат.

Участники всех этих инцидентов при расшифровке слов и намерений друг друга полагались на некий шаблонный набор стратегий. И в каждой из ситуаций случился какой-то роковой сбой. В своей книге я пытаюсь понять эти стратегии – установить, откуда они произошли, разобрать их, осмыслить и постараться усовершенствовать. В последней главе я снова вернусь к случаю с Сандрой Блэнд, потому что мне не дает покоя одно соображение. Трагедии легко можно было бы избежать, не воспринимай ее участники друг друга как чужаки. Сандра Блэнд была не из тех людей, кого Брайан Энсинья постоянно встречал в своем районе или с кем раскланивался на улице. Тогда все было бы просто: «А, Сэнди! Как поживаете? Почему поворотник не включили? В следующий раз будьте повнимательнее». Но, увы, это были техасец Энсинья и Блэнд из Чикаго, мужчина и женщина, белый и черная, полицейский при исполнении и гражданское лицо, вооруженный и безоружная. Они были один для другого настоящими незнакомцами. Если бы каждый из нас почаще задумывался, если бы мы все стремились хоть немного разобраться в том, как относимся к незнакомцам и взаимодействуем с ними –

Сандра не погибла бы в тexasской тюрьме.

В этой книге нам предстоит ответить на несколько воистину головоломных вопросов, сложить отдельные фрагменты пазла, связанного с незнакомцами. Начнем, пожалуй, с истории, рассказанной несколько лет назад в оперативном центре ЦРУ человеком по имени Флорентино Аспиллага.

Часть первая

Шпионы и дипломаты: две загадки

Глава 1

Мечь Фиделя Кастро

1

Последним назначением Флорентино Аспиллага стала Братислава – город, в ту пору находившийся на территории Чехословакии. Шел 1987 год, до падения железного занавеса оставалась еще пара лет. Аспиллага руководил консалтинговой компанией под названием Cuba Tescnica, которая вроде бы имела какое-то отношение к торговле. Однако на самом деле никакой торговли она не вела. Это был лишь фасад. Аспиллага занимал высокий пост в кубинском Главном управлении разведки.

В 1985-м товарищи по ведомству признали Аспиллагу разведчиком года. Он получил поощрительное письмо, написанное собственноручно Фиделем Кастро, поскольку успешнее многих служил своей стране в СССР, Анголе и Ни-

карагуа. Этот человек был настоящей звездой. Из Братиславы он руководил всей восточноевропейской сетью агентов.

Но в какой-то момент восхождения по служебной лестнице Аспиллагу вдруг настигло отрезвление. Слушая речь Кастро, восхвалявшего коммунистическую революцию в Анголе, Аспиллага был неприятно удивлен надменностью и самолюбованием Фиделя. К 1986 г., когда его отправили в Братиславу, сомнения Аспиллагги только укрепились.

Побег он наметил на 6 июня 1987 г. Выбор даты стал тонкой шуткой, понятной лишь посвященным: годовщина учреждения кубинского МВД – всесильного органа, ответственного за разведку. Сотрудники Главного управления разведки 6 июня обычно празднуют это событие: звучат речи, провозглашаются тосты, проходят приемы и торжества. Аспиллага хотел, чтобы его измена ранила побольнее.

В центре Братиславы, в парке, он встретился со своей подружкой Мартой. Она тоже была его соотечественницей, одной из тысяч кубинцев, приехавших работать на чехословацких фабриках и заводах. При этом ее паспорт, как тогда было заведено, лежал в кубинском посольстве в Праге. Аспиллаге предстояло перевезти Марту через границу тайно. У него имелась служебная Mazda. Он вынул из багажника запасное колесо и там спрятал подружку, просверлив в днище отверстия для вентиляции.

Восточная Европа в то время еще находилась за железным занавесом. Выезд на Запад жестко ограничивали. Но от

Братиславы до Вены по трассе меньше 80 км, а Аспиллага уже бывал в Австрии. Он имел дипломатический паспорт, и его знали пограничники. Так что на границе его машину не останавливали.

В Вене они с Мартой бросили машину, поймали такси и вскоре уже стояли у ворот американского посольства. Был субботний вечер. Высшие посольские чиновники отдыхали дома. Но Аспиллаге не пришлось особо стараться, чтобы привлечь внимание стражника: «Я резидент кубинской разведки. Я *comandante*».

2

В шпионском ремесле поступок Аспиллагги называется переходом. Офицер разведки одной страны внезапно появляется на пороге штаба противника. И переход Флорентино Аспиллагги по прозвищу Кроха был одним из самых важных за все годы холодной войны. Он столько знал о Кубе и ее ближайшем союзнике СССР, что бывшие начальники из кубинской разведки потом дважды выслеживали предателя и пытались его устранить, однако оба раза он ускользнул. Аспиллага живет под чужим именем и тщательно скрывается ото всех, но однажды он сам назначил встречу Брайану Лателлу, много лет курировавшему в ЦРУ латиноамериканское направление.

Вот как это было. С Лателлом связался агент, который ис-

полнял роль посредника Аспиллагги. Этот человек попросил его прийти в один из ресторанов на окраине Майами. Там Лателл получил инструкции о том, где и как они встретятся с Аспиллаггой, сменившим личность. Ему следовало снять номер в ничем не примечательном отеле и ждать там появления Крохи.

«Аспиллага моложе меня. Мне было семьдесят пять, а ему еще не исполнилось и семидесяти, – рассказывал впоследствии Лателл. – Но, похоже, у него возникли большие проблемы со здоровьем. И неудивительно: жизнь перебежчика, фальшивая личность, все это – суровое испытание».

Но даже сейчас, хотя этот человек и выглядел жалко, говорит Лателл, было понятно, что Аспиллага представлял собой в прежние годы: обаятельный, изящный, с неким налетом театральности – вкусом к риску и широким жестам. В номер отеля Аспиллага вошел с какой-то коробкой в руках. Поставив ее на стол, он обернулся к Лателлу и пояснил: «Здесь мои воспоминания, которые я написал вскоре после перехода. Хочу их подарить вам».

В мемуарах Флорентино Аспиллагги обнаружилась просто невероятная история.

3

После театрального появления Аспиллагги у дверей американского посольства в Вене его перевезли на военную базу в

Германии. В те годы американская разведка на Кубе работала под прикрытием Отдела интересов США в швейцарском посольстве в Гаване (точно так же, как и кубинская, в США). Перед первым допросом Аспиллага выдвинул условие: он попросил, чтобы к нему прилетел один из прежних руководителей гаванской резидентуры, человек, известный кубинской разведке под кодовым именем Альпинист (el Alpinista).

Альпинист послужил ЦРУ во всех концах мира. Из документов КГБ и Штази, преданных огласке после падения Берлинской стены, стало известно, что в академиях этих разведок Альпинисту посвящался отдельный учебный курс. Это был безупречный профессионал. Однажды его пытались завербовать советские разведчики. Перед ним в буквальном смысле положили несколько мешков с деньгами. Но он только рассмеялся, покачав головой. Альпиниста невозможно было купить. По-испански он говорил как настоящий кубинец. Для Аспиллага этот человек служил примером. И он хотел наконец-то увидеть его живьем.

«Я был на задании в другой стране, когда получил распоряжение спешно прибыть во Франкфурт, – рассказывал Альпинист (хотя легендарный шпион давно вышел в отставку, он по-прежнему предпочитает пользоваться этим псевдонимом). – Там у нас находился центр обработки перебежчиков. Мне сказали, что в наше посольство в Вене явился сдаваться какой-то тип. Он приехал из Чехословакии с подружкой в багажнике, открыл свою личность и настаивает на разговоре

со мной. Я еще подумал: что за дичь?»

Альпинист прибыл в оперативный центр. «В гостиной сидело четверо наших спецагентов, – вспоминал он. – Мне сказали, что Аспиллага в спальне, где с самого приезда на эту явочную квартиру занимается любовью с подружкой. Я вошел и заговорил с ним. Это был сухощавый человек, плохо одетый, как было в те годы свойственно восточным европейцам и кубинцам. Слегка растрепанный. Но сразу бросалось в глаза: этот парень недюжинного ума».

Заговорив с Аспиллагой, Альпинист не назвал себя. Он держался настороже: от этого чужака можно было ожидать всего. Но через несколько минут Аспиллага понял, с кем беседует: последовал момент изумления, смех. Мужчины обнялись по кубинскому обычаю.

«Мы поговорили минут пять и перешли к деталям, – писал впоследствии Альпинист. – Когда опрашиваешь таких перебежчиков, необходимо каким-то образом удостовериться в добропорядочности. Так что я для начала спросил, что он может рассказать о структуре кубинской разведки».

Тут-то Аспиллага и выложил свою сенсацию, новость, которая привела его сквозь железный занавес к воротам американского посольства в Вене. ЦРУ развернуло на Кубе шпионскую сеть, и ее члены исправно слали в центр отчеты, изучая которые, в США старались получше узнать своего противника. Аспиллага сообщил имя одного из этих шпионов и сказал: «Это двойной агент. Он работает на нас». Амери-

канцы остолбенели. Они и не догадывались, что среди них завелся предатель. Аспиллага тем временем продолжал. Он назвал другого шпиона: «Тоже наш человек». Потом еще одного и еще. При этом перебежчик упоминал фамилии, детали – точно до мелочей. «Парень, которого вы завербовали на пароходе, плывущем из Антверпена? Двойной агент. Толстый коротышка с усами? Он давно уже в деле. Тот хромой из Министерства обороны? Тоже наш». Так продолжалось, пока Аспиллага не перечислил несколько десятков агентов – практически весь список американских резидентов на Кубе. Все они работали на Кастро, скармливая ЦРУ сведения, тщательно подготовленные самими кубинцами.

«Я сидел и записывал, – рассказывал Альпинист. – И старался не показывать никаких эмоций. Так нас учили. Но сердце у меня просто кровью обливалось».

Аспиллага говорил о людях Альпиниста, шпионах, которыми тот руководил, когда, будучи еще совсем молодым и рьяным разведчиком, получил назначение в кубинский отдел ЦРУ. Впервые оказавшись в Гаване, Альпинист принялся агрессивно внедрять повсюду своих агентов, добывая новую информацию. «Какой прок от резидента, работающего в правительственном аппарате другого государства, если вы не можете с ним взаимодействовать? – поясняет он свою позицию. – Мой подход был такой: лучше попытаться добыть хоть какие-то сведения прямо сейчас, чем ждать полгода или год, пока твоего человека переведут на более значительную

должность». Так что Альпинист развернул активную деятельность. Но теперь выходило, что все его успехи были липой. «Должен признать, я так не любил коммунистов, что получал немалое удовольствие, пудря кубинцам мозги. Однако оказалось, что на самом-то деле мозги пудрили мне. Это, конечно, был удар», – с горечью констатировал Альпинист.

Они с Аспиллагой на военном самолете отправились из Франкфурта напрямиком в Вашингтон, где их приняли большие шишки из латиноамериканского департамента ЦРУ. «Руководители кубинского отдела были в полном шоке и даже ударились в панику, – вспоминал Альпинист. – Они просто не могли поверить, что их так откровенно дурачили столько лет. Ну и началась заваруха».

А дальше дело обернулось еще хуже. Фидель Кастро, узнав, что Аспиллага рассказал американцам об унижении ЦРУ, решил добить их. Первым делом он собрал всех двойных агентов, и они как триумфаторы проехали по всей стране. После этого по кубинскому телевидению показали 11-серийный документальный фильм «Война ЦРУ против Кубы» (*La Guerra de la CIA contra Cuba*). Оказалось, что кубинские контрразведчики по меньшей мере 10 лет подряд записывали и снимали все, чем ЦРУ занималось на их острове – как будто делали реалити-шоу, что-нибудь вроде «Выжившие: кубинский сезон». Видеозаписи оказались на удивление хорошего качества. Там были крупные планы и грамотные кинематографические ракурсы. Безупречно чистый

звук: очевидно, кубинцы заранее узнавали о каждой секретной встрече и успевали надлежащим образом оборудовать помещение для аудиозаписи.

На экране один за другим появлялись названные подлинными именами агенты, работавшие под надежным, как считалось, прикрытием. В фильме продемонстрировали все новейшие шпионские устройства: например, передатчики, спрятанные в корзинах для пикника и атташе-кейсах. Рассказали подробно, на каких скамейках американские агенты вели разговоры с информаторами и что именно означал тот или иной цвет рубашки, в которой они приходили на встречу. Во всех деталях показали, как шпион пакует деньги и инструкции в пластиковый «камень»; в другом эпизоде сотрудник ЦРУ оставлял секретные документы для своего агента в разбитой машине на свалке в Пинар-дель-Рио; в третьем американец шарил в высокой траве у обочины дороги, выискивая контейнер с информацией, пока его жена нетерпеливо курила в автомобиле. Сам Альпинист лишь однажды мелькнул в том фильме. А вот его преемнику повезло гораздо меньше. «Складывалось впечатление, что куда бы тот ни шел, за его плечом постоянно двигался оператор с камерой», – сетовал Альпинист.

Глава отделения ФБР в Майами, узнав об этой ленте, позвонил кубинскому чиновнику и попросил для себя копию. Вскоре он получил посылку с набором кассет, предусмотрительно переведенных на английский. Самую искушенную

разведку мира оставили в дураках.

4

И вот что никак не вяжется в истории Флорентино Аспиллага. Одно дело, если бы кубинцы, на манер мелких мошенников, обманули кучку не выходящих из дому пенсионеров. Но они утерли нос ЦРУ, учреждению, где всерьез занимаются проблемами понимания незнакомцев.

На каждого из тех двойных агентов в управлении имелось толстое досье. Альпинист рассказывал, что тщательно их изучил. И не нашел ничего явно настораживающего. Как в любой разведке мира, в ЦРУ есть специальное подразделение, чья задача – мониторить работу агентов, выискивая признаки измены. Что же обнаружили его сотрудники? Ничего³.

---

³ В ЦРУ практикуют регулярную проверку агентов на детекторе лжи – чтобы застраховаться именно от такого рода предательства, как то, о котором рассказал Аспиллага. Всякий раз, когда кто-то из резидентов покидал Кубу, кураторы из ЦРУ тайно встречались с ним в отеле и усаживали за полиграф. Бывало, «кубинцы» проходили экзамен успешно: начальник отдела, занимающегося проверкой сотрудников на полиграфе, собственноручно засвидетельствовал благонадежность шестерых резидентов, впоследствии оказавшихся «оборотнями». Случалось, однако, что испытуемые не выдерживали проверки. Но что происходило тогда? Шефы кубинского подразделения просто-напросто не признавали результатов. Один из бывших специалистов, работавших на детекторе лжи, Джон Салливан, рассказывал, что его пригласили на совещание после того, как группа полиграфологов забраковала слишком многих резидентов. «Оперативники тогда

Спустя годы Лателл мог только недоуменно пожать плечами и признать, что, видимо, кубинская разведка и впрямь умела отлично работать.

«Они все проделали на высшем уровне, – резюмировал он. – То есть Кастро, использовавший этих двойных агентов как наживку, подобрал их просто великолепно... Некоторые из них обучались актерскому мастерству. Один, к примеру, убедительно притворялся простачком... А сам был профессиональным разведчиком, и весьма коварным... Понимаете, с виду такой недалекий – ну кто заподозрит его в том, что он может быть двойным агентом? Фидель разыграл все как по нотам. Следует признать, что он

буквально набросились на нас, – вспоминает Салливан, – разнесли, на чем свет стоит... Все в один голос твердили: “Ребята, вы сами не понимаете, что творите”; “Это явный перебор, у вас сама мать Тереза не отмажется” – и так далее, и тому подобное. В общем, обозлились не на шутку». Но стоит ли их винить? Оперативники отказались от одного способа понять незнакомца (проверки на полиграфе) в пользу другого: собственного суждения. И это абсолютно логично. Детектор лжи – это ведь не анализ крови на вирус, тут результаты нельзя трактовать однозначно. У оперативников имелся многолетний опыт работы с агентами: они встречались, беседовали, анализировали предоставленные им отчеты. Оценка опытного профессионала, сформировавшаяся не за один год, должна быть ближе к истине, чем выводы после торопливой беседы в номере отеля, верно ведь? Ага, как бы не так! «Многие оперативники думали: “Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь”. Особенно усердствовал один, который и впрямь был превосходным офицером, его считали чуть ли не лучшим во всем ЦРУ, – говорит Салливан, очевидно имея в виду Альпиниста. – Однако беднягу развели, как малое дитя. Кубинцы засняли на пленку, как он начиняет тайник. Просто кошмар».

был исключительно талантливым режиссером».

Альпинист, в свою очередь, считает, что в кубинском отделе ЦРУ просто слишком расслабились. Прежде он работал в Восточной Европе, против восточных немцев, и там, по его словам, его коллеги действовали куда более осмотрительно.

Однако какими были результаты ЦРУ в ГДР? Да такими же провальными, как и на Кубе. После падения Берлинской стены глава внешней разведки ГДР Маркус Вольф писал в мемуарах:

«К концу 1980-х гг. мы оказались в завидном положении, поскольку знали, что ни один агент ЦРУ в Восточной Германии не миновал перевербовки – за исключением тех, кто работал на нас с самого начала. По нашему приказу все они поставляли американцам тщательно отобранную нами информацию – и дезинформацию».

Именно в восточноевропейском отделении ЦРУ, сотрудники которого, казалось бы, действовали особенно осмотрительно и скрупулезно, случился один из самых страшных провалов за всю историю холодной войны. Олдрич Эймс, начальник советского отдела управления внешней контрразведки ЦРУ, как оказалось, сам девять лет работал на СССР. Предательство Эймса помогло русским разоблачить и уничтожить великое множество американских шпионов. Как и все, кто занимал в системе ЦРУ достаточно высокое положение, Альпинист был лично знаком с Эймсом. «Я не был

о нем высокого мнения, – говорит он. – Я знал его как лоботряса и пьяницу». Но ни Альпинист, ни другие офицеры даже и не подозревали, что Эймс – советский агент. «Для старых служак немыслимо было, чтобы кто-то из наших мог соблазниться на посулы врага, – поясняет Альпинист. – Всех потрясло, что человек нашего круга оказался способен на такое».

Альпинист был одним из самых одаренных сотрудников одной из самых продуманных шпионских структур мира. И притом эту организацию – трижды на его памяти – провели самым унижительным образом: сначала Фидель Кастро, потом восточные немцы и, наконец, пьяный лоботряс, работавший в самой этой организации. И уж если лучшие головы ЦРУ раз за разом попадались на крючок, не сумев распознать столь чудовищный обман, то что же говорить о простых смертных?

Итак, загадка № 1: почему мы не понимаем, когда незнакомец врет нам в глаза?

Глава 2

Узнать фюрера поближе

1

Поздно вечером 28 августа 1938 г. Невилл Чемберлен вызвал к себе на Даунинг-стрит для срочного совещания одного из ближайших советников. К тому времени Чемберлен занимал пост премьер-министра Великобритании чуть больше года. Прежде он был предпринимателем, человеком деловым и прямолинейным, чьи интересы и опыт не простирались за границы родной страны. И вот Чемберлен впервые оказался перед лицом международного кризиса, связанного с поведением Адольфа Гитлера, который все более воинственно заявлял о своих намерениях захватить Судеты — область Чехословакии, населенную этническими немцами.

Чемберлен понимал, что, если Германия вторгнется в Чехословакию, это практически неминуемо будет означать новую мировую войну, и отчаянно хотел этого избежать. Но в последние месяцы Гитлер почти не давал о себе знать, и Европа, которой трудно было уследить за манипуляциями фюрера, все больше тревожилась. Чемберлен твердо решил найти выход из тупика. Свой замысел, который он в обстанов-

ке строжайшей секретности обсуждал в тот вечер с лордом Галифаксом, министром иностранных дел, премьер назвал «План Z». Позже Чемберлен писал, что идея была «столь незаурядной и смелой, что у Галифакса даже на миг перехватило дыхание». Чемберлен решил лететь в Германию и потребовать личной встречи с Гитлером.

Одна из любопытных особенностей тех тревожных дней в конце 1930-х гг., когда Гитлер толкал мир к новой войне, состояла в том, что почти никто из лидеров крупнейших держав не был толком знаком с этим человеком⁴. Фюрер оставался загадкой. Франклин Рузвельт, занимавший пост президента США в годы возвышения Гитлера, не встречался с ним ни разу. Точно так же, как и Иосиф Сталин, глава СССР. Преемник Чемберлена Уинстон Черчилль едва не познакомился с Гитлером в 1932 г. в Мюнхене, когда собирал там материал для книги. Дважды они договаривались выпить вместе чаю, однако оба раза Гитлер так и не появился.

Среди британцев сколько-нибудь существенно пообщаться с канцлером Германии до войны успели только несколько аристократов, сочувствовавших нацистской идее и время от времени ездивших на континент, чтобы выразить фюреру почтение или побеседовать с ним в неформальной обстановке. («В определенном настроении он бывал довольно

---

⁴ Единственное исключение – канадский премьер-министр Уильям Лайон Макензи Кинг. Познакомившись с Гитлером в 1937 г., он восторженно отзывался о нем и даже сравнивал фюрера с Жанной д'Арк.

забавным, – писала в мемуарах аристократка-фашистка Диана Митфорд, которая часто обедала с Гитлером в Мюнхене. – Он на удивление смешно изображал разных людей»..) Но то были дружеские междусобойчики. Чемберлен же пытался остановить мировую войну, и ему казалось полезным составить о фюрере личное впечатление. Можно ли о чем-то договариваться с этим человеком? Доверять ему? Чемберлен хотел выяснить все сам.

Утром 14 сентября британский посол в Германии телеграфировал немецкому министру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу, предложив Гитлеру встретиться с Чемберленом, и в тот же день получил положительный ответ. Чемберлен был ловким политиком с хорошими режиссерскими задатками, и он не стал держать свои намерения в секрете. Пусть все знают, что он отправится в Германию и попытается предотвратить войну. Великобритания отозвалась радостным гулом. Социологические опросы показывали, что 70 % населения страны считает, что поездка премьер-министра «может способствовать миру». Пресса была на стороне Чемберлена. Как сообщал из Берлина специальный корреспондент, когда новость объявили в ресторане, где он в этот момент обедал, посетители как один встали и выпили за здоровье британского премьера.

15 сентября утром Чемберлен вылетел из Лондона. Прежде ему не случалось путешествовать по воздуху, но даже когда самолет попал над Мюнхеном в бурю, он сохранял

хладнокровие. В аэропорту приветствовать высокого гостя собралась многотысячная толпа. На железнодорожный вокзал его сопровождала кавалькада из 14 «мерседесов», а пока поезд нес Чемберлена в горный Берхтесгаден, где располагалась резиденция Гитлера, ему подали ланч в личном вагоне-ресторане фюрера. В пять часов вечера поезд прибыл на станцию. Гитлер встретил британского премьера и пожал ему руку. Позже Чемберлен в письме к сестре Иде подробно рассказал о своем первом впечатлении:

«На середине лестницы стоял фюрер: простоволосый, одетый в суконный френч защитного цвета, на рукаве красная повязка со свастикой, на груди военный крест. На нем были черные брюки, какие мы носим вечером, и черные туфли со шнуровкой. Волосы у него русые, глаза голубые, лицо довольно неприветливое, особенно когда он молчит, и вообще выглядит Гитлер совершенно неброско. Его не выделишь в толпе, а при встрече примешь за маляра, кем он, собственно, и был когда-то».

Гитлер с Чемберленом поднялись в кабинет, взяв с собой только переводчика. Разговор вышел оживленным, временами напряженным. Был момент, когда Гитлер воскликнул: «Я готов вступить в мировую войну!» Он четко дал понять, что собирается аннексировать Судеты, невзирая на осуждение со стороны международного сообщества. Чемберлену хотелось знать, единственное ли это, что нужно Гитлеру, и собеседник

подтвердил: да, это так. Британский премьер посмотрел на фюрера долгим и пристальным взглядом – и решил, что может ему доверять. В этом же письме сестре Чемберлен сообщал, что потом слышал от людей из окружения фюрера, якобы тот «понял, что разговаривает с настоящим мужчиной». Далее Чемберлен писал:

«Короче говоря, я добился некоторого взаимопонимания, какова и была моя цель, и со своей стороны, при всей суровости и беспощадности, которые виделись мне в лице Гитлера, я счел его человеком, на чье слово можно полагаться».

На следующее утро Чемберлен вернулся в Великобританию. На взлетной полосе аэродрома Хестон он произнес краткую речь. «Вчера у меня был долгий разговор с господином Гитлером, – сказал премьер-министр, – и я доволен, что мы вполне поняли мысли и намерения друг друга». И добавил, что они непременно встретятся еще, но уже где-нибудь поближе к Англии. «Чтобы мне, старику, не пришлось снова тащиться в такую даль», – пояснил Чемберлен, и его слова, по воспоминаниям очевидцев, толпа встретила смехом и одобрительными овациями.

2

Сегодня, по всеобщему мнению, переговоры Чемберлена с Гитлером накануне Второй мировой войны признаны одной из самых бессмысленных авантюр в истории. Пре-

мьер-министр Великобритании принял игру Гитлера за чистую монету. Лидер фашистской Германии перехитрил его за столом переговоров. Чемберлен не прочитал настоящих намерений фюрера и не предупредил собеседника, что, если тот отступится от своего слова, последствия для него будут самыми серьезными. Впоследствии Невилл Чемберлен жестоко поплатился за свою легковёрность.

Упреки в адрес британского премьера справедливы, но меня сейчас больше интересует некая загадка. Чемберлен еще дважды летал в Германию и не один час провел в обществе Гитлера. Они беседовали, спорили, вместе обедали и гуляли. Чемберлен в тот момент был единственным из лидеров стран-союзников, кто сколько-нибудь существенное время общался с вождем нацистов. Он внимательно наблюдал за фюрером. «Внешний вид Гитлера и его манеру поведения, как мне показалось в момент нашей встречи, можно было истолковать как штормовое предупреждение, – признавался Чемберлен сестре Хильде после одного из следующих визитов в Германию. – Но потом... он пожал мне руку двумя руками, а этот жест Гитлер использует только для демонстрации особенно дружеского расположения». Вернувшись в Лондон, премьер сообщил своим министрам, что не заметил в фюрере «никаких признаков безумия, лишь признаки серьезного волнения». Гитлер, по его мнению, не был сумасшедшим. Он был практичным и целеустремленным человеком, который «прекрасно понимает, чего хочет, твердо

намерен этого добиться и любое противодействие будет терпеть лишь до определенной степени».

Чемберлен исходил из того же самого убеждения, которому следуем все мы, пытаясь понять незнакомца. Мы считаем информацию, полученную при личном контакте, необыкновенно ценной. Вы не наймете няню для детей, предварительно не познакомившись с нею лично. Компании не рекрутируют сотрудников вслепую. Кандидатов приглашают на собеседование и разговаривают с ними зачастую довольно продолжительное время и не один раз. Работодатели поступают точно так же, как Чемберлен: смотрят кандидату в глаза, изучают его внешность и поведение, а потом делают выводы. «Он пожал мне руку двумя руками». Вот так: вся эта дополнительная информация, собранная Чемберленом в ходе личного взаимодействия с Гитлером, несколько не помогла премьеру лучше его понять. Даже наоборот.

Произошло ли это потому, что Чемберлен был наивен? Пожалуй. Опыт международных контактов у него был самый мизерный. Один из его критиков позже сравнивал премьера со священником, который впервые входит в паб, не понимая разницы между дружеской попойкой и дебошем.

Но дело не только в личности Чемберлена. То же самое случилось и с лордом Галифаксом, тогдашним министром иностранных дел Великобритании. Галифакс был блестящим аристократом, выпускником Итона и Оксфорда. В период между двумя мировыми войнами он занимал пост ге-

нерал-губернатора Индии и виртуозно вел переговоры с Махатмой Ганди. Галифакс был, безусловно, личностью весьма незаурядной: знаток светской жизни, безмерно обаятельный, интеллектуал – и столь религиозный, что Уинстон Черчилль прозвал его Святым Лисом⁵. В отличие от неискушенного в международных делах Чемберлена, этот человек, казалось бы, должен был сразу распознать обман. И что же?

Галифакс отправился в Берлин осенью 1938 г. и тоже встретился с Гитлером в Берхтесгадене: он стал вторым – и последним – представителем британского правительства, лично общавшимся с фюрером. Их встреча не была формальным дипломатическим приемом. Она началась с курьеза: Галифакс поначалу принял рейхсканцлера Германии за лакея и уже почти отдал ему пальто. Но потом Гитлер был Гитлером добрых пять часов: мрачные гримасы, вопли, демагогия, обличения. Он говорил о том, как ненавидит газетчиков. Проклинал ужасы коммунизма. Галифакс внимал этому спектаклю с чувством, которое другой британский дипломат тех лет описал как «смесь удивления, отвращения и сострадания».

Министр иностранных дел Великобритании провел в Германии пять дней. Он встретился с двумя ближайшими клеветами фюрера – Германом Герингом и Йозефом Геббельсом. На обеде в британском посольстве Галифакс познако-

---

⁵ Англ. словосочетание holy fox (святой лис) созвучно фамилии Halifax. – *Прим. пер.*

мился с множеством крупных немецких политиков и бизнесменов. А вернувшись домой, объявил, что «было очень полезно установить связи» с германской верхушкой. Здесь трудно спорить: именно это и должен делать дипломат. После личного общения с Гитлером Галифакс узнал много ценного, получив представление об агрессивности и непредсказуемости вождя нацистов. Но каким был его итоговый вывод? А вот каким: Гитлер не хочет войны и готов вести переговоры о мире. Лорда Галифакса никто не назвал бы наивным, но после встречи с фюрером и он тоже, вслед за Чемберленом, оказался обманут.

Дольше всех из британских дипломатов с Гитлером общался посол в Германии Невилл Хендерсон. Он много раз встречался с фюрером, бывал на митингах, где тот выступал. Гитлер даже дал Хендерсону прозвище «Мужик с гвоздикой» – из-за цветка, который неизменно красовался в петлице у франтоватого дипломата. В депеше, отправленной им в Лондон после посещения печально известного Нюрнбергского съезда НСДАП в начале сентября 1938 г., Хендерсон писал, что Гитлер ведет себя абсолютно ненормально и, «возможно, уже впал в безумие». Хендерсон вовсе не был очарован фюрером. Но думал ли он, что тот вынашивает гнусные намерения в отношении Чехословакии? Нет. Гитлер, по мнению британского посла, ненавидел войну, «как и любой другой человек». Хендерсон тоже полностью промах-

нулся в оценке Гитлера⁶.

Слепота Чемберлена, Галифакса и Хендерсона – совсем не то же самое, что загадка № 1 из предыдущей главы. Там умные и грамотные профессионалы оказались не способны заметить обман. А здесь были как люди, не сумевшие распознать истинную сущность Гитлера, так и другие, правильно понявшие, с кем они имеют дело. И вот ведь парадокс: жертвой заблуждения пали как раз те, от кого по всему следовало ожидать прозорливости, а правду разглядели те, кто вроде бы, наоборот, должны были дать маху.

Например, Уинстон Черчилль ни секунды не сомневался в том, что фюрер – не более чем изворотливый негодяй.

Черчилль назвал поездку Чемберлена «самой большой глупостью, которую только можно было допустить». А ведь

---

⁶ Еще ближе Хендерсон был знаком с другим высокопоставленным нацистом, Германом Герингом, вторым в Рейхе человеком после Гитлера. Они вместе ездили на оленью охоту и подолгу беседовали. Британский дипломат твердо верил, что Геринг тоже хочет мира, а за его фашистской фанаберией скрывается добропорядочный буржуа. В воспоминаниях о своей службе в Берлине, изданных как раз накануне Второй мировой войны, Хендерсон пишет, что Геринг «любил животных и детей: еще прежде чем у него появились свои собственные, он завел на верхнем этаже в Каринхалле огромную игровую комнату, полную всевозможных механических игрушек, дорогих сердцу современного ребенка. Для него не было большего удовольствия, чем забавляться с ними. Да, среди игрушек попадались и модели самолетов, сбрасывающих тяжелые бомбы на незащищенные города и деревни. Но в ответ на мои упреки Геринг заметил, что жизнь, по его мнению, не должна быть слишком цивилизованной, а дети не должны расти слюнтяями». (Если вы вдруг не очень в курсе дела, именно этим и характеризуется фашизм: жестким воспитанием подрастающего поколения.)

сам он никогда не встречался с рейхсканцлером Германии. Дафф Купер, занимавший в правительстве Чемберлена пост первого лорда Адмиралтейства, тоже сохранил трезвость взгляда. Он с ужасом слушал отчет премьера, а позже, в знак протеста, даже подал в отставку. Знал ли Купер Гитлера? Нет. Лишь один человек из верхушки британского дипломатического корпуса был лично знаком с фюрером и при этом верно понимал, что же этот человек собой представляет, – Энтони Иден, предшественник лорда Галифакса на посту министра иностранных дел. А как же остальные? Прослеживается любопытная закономерность: не ошибались в оценке Гитлере те, кто не знал его лично. Заблуждались все, кто встречался с ним и вел беседы.

Не исключено, что это простое совпадение. Возможно, Чемберлен и его сторонники по каким-то своим причинам принимали желаемое за действительное, упорно отказываясь верить собственным глазам и ушам. Однако такой же загадочный механизм мы видим повсеместно.

3

Судья – назовем его Соломоном – человек средних лет, высокий и светловолосый, а его выговор сразу выдает бруклинское происхождение. Больше десяти лет Соломон прослужил в одном из судов штата Нью-Йорк. Он не кажется ни надменным, ни грозным, а, напротив, выглядит рассуди-

тельным и неожиданно мягким в обращении.

Сегодня четверг – в этот день в их суде обычно предъявляют обвинения арестованным. То есть тем, кто за последние сутки был задержан полицией по подозрению в том или ином преступлении. Эти люди провели бессонную ночь в камере предварительного заключения, и теперь их по одному вводят в наручниках в зал суда. Они сидят на низкой скамье за барьером, слева от Соломона. Когда объявляют, что рассматривается очередное дело, секретарь подает Соломону папку с полицейским досье обвиняемого, и судья принимается ее листать, знакомясь с человеком, чью судьбу ему предстоит решить. Обвиняемый стоит прямо перед судьей, по одну руку от него защитник, по другую – окружной прокурор. Эти двое говорят, а Соломон слушает. А потом решает, можно ли освободить обвиняемого под залог, и если да, то какова будет его сумма. Достоин ли этот абсолютно незнакомый Соломону человек того, чтобы остаться на свободе?

Самые сложные случаи, рассказывает судья, это подростки. Вот приводят 16-летнего парнишку, обвиняемого в каком-нибудь страшном злодействе. И Соломон знает, что, если залог будет слишком велик, этот малый окажется за решеткой в печально известной тюрьме на острове Райкерс, где – мой собеседник старается описать ситуацию как можно мягче – «бунт может вспыхнуть в любой момент»⁷. Еще

---

⁷ С тех пор закон изменился: в Райкерс отправляют только тех, кому уже исполнилось 18 лет.

труднее принять решение, если видишь в зале мать этого подростка. «Да мне чуть ли не каждый день попадаются такие дела, – говорит Соломон. – Я даже стал практиковать медитацию. Так вроде бы немного полегче».

Соломон постоянно сталкивается практически с той же проблемой, которая стояла осенью 1938 г. перед Невиллом Чемберленом и британским дипломатическим корпусом: ему нужно оценить личность незнакомца. И система уголовного правосудия предполагает, как и Чемберлен, что трудные решения такого рода лучше принимать после того, как судья лично пообщается с обвиняемым.

Например, в тот четверг, ближе к вечеру, перед Соломоном предстал пожилой мужчина с короткой стрижкой и намечающейся лысиной. Он был в джинсах и гуаябере⁸ и говорил только по-испански. Этого человека арестовали после «инцидента», в котором был замешан 6-летний внук его подружки. Мальчик сразу рассказал о происшествии отцу. Окружной прокурор затребовал залог в \$100 000. У обвиняемого явно не было возможности собрать такую сумму. Если Соломон согласится с прокурором, человек в гуаябере отправится напрямиком в тюрьму.

И это при том, что предъявленные обвинения арестованный категорически отрицал. В прошлом он дважды нарушал

---

⁸ Летняя рубашка у кубинцев, которая надевается за пределы брюк и отличается двумя вертикальными рядами тесно сшитых складок по всей длине спереди и сзади рубашки. *Прим. ред.*

закон, но это были мелкие правонарушения, совершенные много лет назад. Теперь этот мужчина работает механиком, но, скорее всего, лишится работы, если окажется в тюрьме, а ведь он материально поддерживает бывшую жену и 15-летнего сына. И Соломону приходится принимать в расчет также и этого подростка, чье благополучие зависит от зарплаты отца. И, конечно, судья понимает, что 6-летний ребенок – не самый надежный свидетель. В общем, Соломон никак не может знать, окажется ли разбираемое дело просто большим недоразумением или же частью преступного деяния. Иначе говоря, выбор – оставить ли мужчину в гуаябере на свободе или отправить в ожидании суда в тюрьму – невероятно труден. И дабы не ошибиться, судья делает то, что сделал бы на его месте любой из нас, – пытается понять, что за человек перед ним. Помогает ли ему в этом личное общение? Или парадокс Невилла Чемберлена относится и к судьям тоже?

4

Лучший ответ на этот вопрос дает исследование, совместно предпринятое одним экономистом из Гарварда, тремя крупными учеными-информатиками из Чикагского университета и судебным экспертом. Эта группа – для краткости я буду называть ее по имени экономиста, Сендила Муллайнатана, – выбрала в качестве испытательного полигона город

Нью-Йорк. Исследователи изучили дела 554 689 человек, которым в 2008–2013 гг. были предъявлены обвинения в городских судах. Из них, как выяснилось, нью-йоркские судьи отпустили на свободу под залог чуть больше 400 000.

Затем Муллайнатан при помощи системы искусственного интеллекта запустил в обработку данные, которые прокуроры передавали судьям (возраст обвиняемого и полицейское досье), поставив перед компьютером задачу – выбрать из 554 689 человек 400 000, подлежащих освобождению. Это было состязание: человек против машины. Чьи решения более правильные? В котором из списков окажутся люди, не совершившие, будучи выпущенными под залог, никаких правонарушений? И как насчет злоумышленников, что потом не явились на суд? Результаты отличались разительно: 25 % граждан, отпущенных нью-йоркскими судьями под залог и совершивших правонарушения в ожидании суда, компьютер идентифицировал как «подозрительных лиц»! В этом состязании машина разбила человека наголову⁹.

---

⁹ Тут следует пояснить два технических момента. Во-первых, неявку в суд Муллайнатан квалифицирует как правонарушение. Во-вторых, он учитывал в своем исследовании также и человеческий фактор. Его оценка сделана на основе весьма сложного статистического анализа. Вот упрощенная версия. В нью-йоркских судах решения об освобождении под залог каждый день принимают разные судьи. К кому из них попадет обвиняемый – целиком дело случая. Судьи в Нью-Йорке (да и не только там) серьезно различаются в том, насколько охотно они отпускают обвиняемых под залог и насколько подъемные суммы залога они назначают. Сами понимаете, что есть судьи как весьма либеральные, так и очень строгие. Теперь представьте, что строгий судья из каждой 1000 арестованных выпускает

Вот лишь один штрих, показывающий эффективность программы Муллайнатана: компьютер пометил 1 % обвиняемых как «группу высокого риска». Этих людей, по мнению искусственного интеллекта, ни при каких обстоятельствах нельзя оставлять на свободе до суда, поскольку, будучи отпущенными под залог, они вновь нарушат закон. Однако живые судьи, работавшие с этими «паршивыми овцами», вообще не сочли их опасными. И выпустили под залог 48,5 % группы высокого риска! «Многие из этих обвиняемых, по мнению судей, не представляли никакой угрозы обществу, – пишет команда Муллайнатана в особенно удручающем разделе своего отчета. – Результат эксперимента показывает, что судьи не только выставляют слишком высокий порог для заключения под стражу, но и не могут верно оценить личность арестованных... Те немногие, кому они отказали в залоге, согласно расчетам компьютера, распределяются по всей шкале прогнозируемого риска». В переводе это обозначает: в том, как судьи принимают решение о назначении залога, не про-

---

ет под залог 25 %, а либеральный – 75 %. Сравнив, какое количество правонарушений совершили, оказавшись на свободе, выпущенные под залог тем и другим судьей, мы сможем понять, сколько бедолаг напрасно отправил за решетку строгий судья и скольких опасных преступников опрометчиво оставил на воле либеральный. Затем точно так же можно рассмотреть и выбор искусственного интеллекта. Когда компьютер делает заключения о 1000 арестованных, насколько лучше он судит, чем строгий человек, с одной стороны, и чем либеральный – с другой? Схема кажется весьма сложной, и на самом деле это так и есть. Но данная методика хорошо отработана. Более развернутое объяснение вы найдете в статье Муллайнатана (см. раздел «Примечания»).

слеживается никакой логики.

Согласитесь, что это озадачивает. Ведь судьи в данном случае располагают тремя источниками данных. У них, во-первых, есть досье арестованного – возраст, криминальная история, адрес, место работы и прочие сведения, включая предыдущие столкновения с законом. Во-вторых, у них имеются свидетельства окружного прокурора и адвоката арестованного: вся та информация, что сообщается в зале суда. И наконец, они могут составить свое собственное суждение о человеке, которого видят перед собой.

Искусственный же интеллект не может видеть обвиняемого и не слышит того, что говорится в зале суда. Все, что у него есть, – это возраст и полицейское досье обвиняемого. Ему доступна лишь часть сведений, которыми располагает человек, однако его заключения гораздо точнее.

В своей книге «Озарение: Сила мгновенных решений»¹⁰ я писал о том, что дирижеры удачнее выбирают музыкантов для своего оркестра, если на прослушивании кандидаты играют за ширмой. Ограничение информации помогает отборочной комиссии более точно оценить исполнителя. Но это потому, что информация, получаемая посредством зрительного восприятия, в принципе, им не нужна. Если тебе необходимо оценить мастерство скрипача, знание о том, какого он роста, красив или невзрачен, белый или черный, мужчина

---

¹⁰ Гладуэлл М. Озарение: Сила мгновенных решений. – М.: Альпина Пабlishер, 2009.

или женщина, способно лишь навредить, включив механизм предубеждения, который дополнительно осложнит выбор.

Однако если речь идет об освобождении под залог, то тут, казалось бы, любая дополнительная информация должна только помогать. В одном из дел, ранее заслушанных Соломоном, молодой человек в шортах и серой футболке обвинялся в том, что напал на кого-то с кулаками, похитил у жертвы банковскую карту, а потом купил по ней машину. Окружной прокурор подчеркнул, что после двух прежних арестов обвиняемый не являлся на суд. Это важный «красный флажок». Но у неявки бывают разные причины. Что, если арестованному назвали неверную дату? Или его уволили бы, если бы он в нужный день пропустил работу, а потому парень решил не рисковать? Или, допустим, у него ребенок попал в больницу? О подобных смягчающих обстоятельствах непременно сообщает адвокат арестованного: у обвиняемого была уважительная причина. Компьютер, в отличие от человека, ничего такого не знает. Помогает ли это судье?

Еще один момент. Соломон говорит, что наиболее неприятные для него случаи – арестованные с «психическим расстройством и склонностью к насилию». Это самый страшный кошмар любого судьи. Человека отпускают под залог, а он прекращает принимать лекарства и совершает какое-нибудь страшное злодеяние.

«Например, убивает полицейского, – поясняет Соломон, – врезается на машине в микроавтобус, в

котором погибают беременная женщина и ее муж. Нападает на ребенка. Сталкивает под поезд пассажира в метро. Сколько нам известно таких ужасов... Ни один судья не захочет оказаться тем, кто отпустил такого преступника под залог».

Иногда указания на подобные риски есть в деле обвиняемого: история болезни, госпитализации, упоминания о том, что человек признан невменяемым. Но другие признаки можно увидеть только в зале суда.

«Еще там можно услышать термин “психически неуравновешенный”, – говорит Соломон. – Либо от полицейских, которые приводят арестованных в суд и передают судье конверт с результатами психиатрического освидетельствования... Либо такая информация есть у прокурора, который задает вопросы... И тут мне приходится задумываться».

В подобных случаях Соломон рассматривает обвиняемого – пристально, вдумчиво, пытаюсь поймать, как он это называет, «этакий стеклянный взгляд, неспособность смотреть в глаза. Моя задача – распознать человека, бросившего принимать сильнодействующие лекарственные препараты».

Машина Муллайнатана не может подслушать, что говорит прокурор о психической неуравновешенности обвиняемого, и уж тем более она не способна увидеть характерный стеклянный взгляд. Это, казалось бы, должно давать Соломону и его коллегам важное преимущество. Но почему-то на деле

все обстоит не так.

Итак, загадка № 2: почему зачастую мы заочно судим о незнакомце более точно, чем после личной встречи с ним?

5

Третью и последнюю поездку в Германию Невилл Чемберлен совершил в конце сентября 1938 г., через две недели после первого визита к Гитлеру. Встреча произошла в Мюнхене, в штаб-квартире НСДАП, здании, именуемом «Фюрербан»¹¹. На этот раз там присутствовали также глава итальянских фашистов Бенито Муссолини и премьер-министр Франции Эдуар Даладье. Все четверо, с личными секретарями, собрались в кабинете Гитлера. Утром следующего дня Чемберлен попросил его о беседе один на один. В этот момент он чувствовал, что верно оценивает своего противника.

Британский премьер поверил недавним словам фюрера о том, что его запросы ограничиваются лишь Чехословакией, он считал, что «господин Гитлер говорил искренне». И теперь оставалось только закрепить это обязательство на бумаге.

Гитлер принял гостя в своей квартире на Принцрегентенплац. Чемберлен вынул приготовленный лист бумаги, на котором он набросал простой текст соглашения, и спросил

---

¹¹ От нем. Führerbau – «Дом фюрера». – *Прим. пер.*

канцлера Германии, готов ли тот подписать такой документ. Гитлер, пока переводчик читал ему текст по-немецки, то и дело издавал одобрительные возгласы, а в конце заявил: «Конечно, я готов это подписать». Впоследствии Чемберлен рассказывал одной из сестер: «Я спросил: “А когда же мы сделаем это?”, и он ответил: “Да прямо сейчас”. Мы тут же прошли к письменному столу и поставили подписи на обоих приготовленных мною экземплярах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.